

Журнал
художественной литературы,
критики и библиографии

Учредитель — Международное
сообщество писательских союзов

Москва

Издается с января 1973 г.

Главный редактор
Леонард Лавлинский

Редакционный совет

Лев Аннинский
Виктор Астафьев
Чингиз Гусейнов
Алексей Зверев
Игорь Золотусский
Валерий Золотухин
Александр Клышников
Арсений Ларионов
Геннадий Лисичкин
Алла Марченко
Владислав Муштаев
Тимофей Прокопов
Тимур Пулатов
Владимир Соколов
Александр Чудаков
Игорь Шайтанов

Редакция

Виталий Бенкин
(коммерческий директор)
Мария Васильева
Антон Нестеров
Михаил Одесский
Светлана Соложенкина
Леонид Теракопьян

Адрес редакции:

127254, Москва,
ул. Добролюбова, 9/11

Телефон: (095)219-92-63

Факс: (095) 218-03-98

Содержание

Из наследия А. Белого

А. Белый О религиозных переживаниях. Публ. А.В. Лаврова	4
А. Белый Основы моего мировоззрения. Публ. Л.А. Сугай	10
К.Л. Черкавская Белый в архиве Е.И. Шамурина	38
А. Белый Дневник месяца. Публ. С.М. Мисочник	41

Антропософия

М.Л. Спивак Андрей Белый — Рудольф Штейнер — Мария Сиверс.	44
Р. Штейнер У врат посвящения. Пер. А. Белого. Публ. С.В. Казачкова	69
Или к «Маскам» возможен иной подход? Из переписки Д.Е. Максимова и М.Н. Жемчужниковой. Публ. Н.И. Жемчужниковой	74

Воспоминания

П.Н. Зайцев Воспоминания об А. Белом. Публ. В.П. Абрамова	77
К. Эрберг Вольфила. Публ. В.Г. Белоуса	105
Н.А. Северцева-Габричевская Андрей Белый «террорист». Публ. Ф.О. Погодина, О.С. Северцевой	112
И.В. Гюнтер Коктебель... Дом Волошина... 1924год! Публ. Е.С. Федоровой	118
Воспоминания об А. Белом Из отдела фонодокументов МГУ. Публ. М.В. Радзишевской	121
П.Н. Зайцев А. Белый и «Никитинские субботники». Публ. В.П. Абрамова	125
Д.М. Фельдман Послесловие.	128

Творчество

О.Тилкес Православные реминисценции в Четвертой симфонии	135
А.Г. Бойчук «Святая плоть» земного в «Кубке метелей»	144
У. Комер «В виде холубине»	153
К.М. Поливанов Б. Пастернак и А. Белый	156

Н.Д. Александров Лабиринт минотавра	158
Х. Шталь-Швэцер О понятии действительности	161
Л.Ф. Капис И.-В. Гете и Р.Штейнер в поэтическом диалоге А. Белый — О. Мандельштам	168
Политика	
М.А. Колеров А. Белый и марксизм	179
М.Л. Спивак «Москва кадетская» А. Белого	182
В мире искусств	
Б.А. Кац О контрапунктической технике в «Первом свидании»	189
Л.Л. Гервер Контрапунктическая техника А. Белого	192
К. Секё Элементы стиля модерн в эссеистике А. Белого	196

**Номера журнала
можно приобрести
в редакции,**

**а также в салоне «19 октября»,
1-й Казачий пер., 8,
тел.: (095) 238-64-89**

Художник П.П. Ефремов
Компьютерная верстка
Ю.В. Балабанов
Корректор Г.В. Чуба

**и в Мемориальной квартире Андрея Белого.
Арбат, 55,
тел.: (095) 241-77-02**

Сдано в набор 1.06.95
Подписано к печати 15.09.95
Формат 84х108 1/16
Бумага офсетная
Усл. печ. л. 11,76
Тираж 5500 экз.
Заказ № **3159**

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Свидетельство о регистрации
№ 191 от 19.09.90.

Отпечатано с готового
оригинал-макета

в Московской тип. № 2 РАН
121099 Москва, Шубинский пер., 6

У врат ПОСВЯЩЕНИЯ

Розенкрейцерская мистерия

Вторая картина¹

*<(Открытая местность, скалы, ручьи. Все окружающее нужно представлять находящимся в душе Иоганна Томазия, низжеследующее — как содержание его медитаций)
(Из ручьев и из скал раздается: «О человек, познай себя!»)>*

Иоганн:²

*Годами слышу их — слова,
Исполненные смысла.
Звучат из воздуха, воды;
Звеня наружу из глубин земли.
Как малый желудь внедрено таинственно
Гигантское строенье дуба,
Так для меня в том слове,
Понятная для мысли,
Заключена вся сила,
Которую струят
Стихии, души, духи,
Разбег времен и вечность;
Я сам и вся вселенная
Живем в едином слове:
«О человек, познай себя!»*

(Из ручьев и из скал раздается: «О человек, познай себя!»)

*И вот!... Теперь —
Воистину, в моих глубинах трепет...
Вокруг маячит мгла;
Во мне зияет сумрак,
Взывая мглой миров,
Звуча из бездн души:
«О человек, познай себя!»*

(Из ручьев и из скал раздается: «О человек, познай себя!»)

*Меня меняет сумрак;
Меня меняет бег дневных часов,
В ночи блуждаю я.
И следую в мирах за орбитой земли.
В громах — раскатываюсь;
И мерцаю — в молниях.
Я есмь!... Погаснувшим
Я чувствую в себе себя.*

*И вижу собственное тело
Как существо чужое — вне себя,
И — от себя далеко.
Приблизилось другое тело;
Я говорю его устами:
«Я слепо верила³ ему,
А он мучительные скорби
Мне причинил; он — бросил в муках
И погрузил в земную стужу.
Похитив прежней жизни жар».
Покинутая мной⁴, —
Я сам тобою был,
И мне болеть — твою болью.
Познание дало мне силы
Перенести себя в другом.*

*О, злое слово,
Ты погасило свет:
«О человек, познай себя!»*

(Из ручьев и из скал раздается: «О человек, познай себя!»)

*На изжитую жизнь меня
Ты поворачиваешь снова.
И — как мне вновь познать себя?
Лик человека я утратил:
Мне дикий червь⁵ мерещится,
В утробах страстных вставший, —
И ясно ощущаю,
Как мглистый образ морока
Чудовищный мой лик
До времени в своих глубинах скрыл.
Моих глубин меня поглотят бездны.
Как пожирающее пламя,
Извечное струится в жилах слово,
Которое с такою властью
Суть солнца и земли разоблачило мне.
Оно — в биенье пульса;
Оно — в ударах сердца.
Я чувствую, как непонятный мир
Порывами глухими вспыхивает в мысли,
Слов порождение:
«О человек, познай себя!»*

(Из ручьев и из скал раздается: «О человек, познай себя!»)

*Кто на меня из мглы
Уставился глазами?
Я цепи чувствую,
Связующие нас.
Прочней, чем Прометей,
Прикованный к Кавказским скалам,
Оковами прикован я
К тебе... Чудовище, ты кто?*

(Из ручьев и из скал раздается: «О человек, познай себя!»)

*О, я тебя узнал:
В тебе — я сам.
Познанием меня позор⁶*

*(Входит Мария⁷, сперва не замеченная Иоганном)
Сковал с тобой, позор мой и порок⁸.
Хотел тебя бежать я,*

Миры меня слепили; в них,
Освобождаясь от себя,
Я легкомысленно купался...
Душа незрячая опять ослеплена:
«О человек, познай себя!»

(Из ручьев и из скал раздается: «О человек, познай себя!»)

Иоганн:

(Приходя в себя замечает Марию. Медитация погружается
в его душу)

Подруга, это — ты.

Мария:

Тебя искала я,
Хоть знаю я, что любишь
Ты одиночество.
Когда поток многообразных мнений
Твою наполнит душу.
И знаю я,
Что в настоящем мне тебе нельзя
Помочь своею жизнью.
И все-таки — меня
Сюда влекло непонятное стремление:
Друг, вместо света слово Бенедикта⁹
Исторгло боль
Тяжелую в твоих глубинах.

Иоганн:

Уединение.
В нем я пытался часто
Найти себя,
Как в лабиринтах мысленных моих
Людские бились радости и скорби...
Теперь же, милая подруга,
То, что я должен был в словах
Людских переживать
И что в душе будило
Слово Бенедикта, —
Все обесцветилось,
И одиночество
Во мне вскормило — грозовую
Глухую думу.
Ты, одиночество,
За мной гонялось в далях мира;
Во мне похитило меня.
Из всякого, кому я боль нанес,
Вдруг выросал я сам
И должен был страдать
Раз причиненной болью.
Мне одиночество глухое
Вернуло самого себя
Лишь для того, чтоб ужасать
Со дна души встающей бездной.
И — нет его. Я потерял
Последнее убежище людское.

Мария:

Но повторяю: друг, тебе
Поможет Бенедикт один,
И мы найдем опору,

Die Pforte der Einweihung.

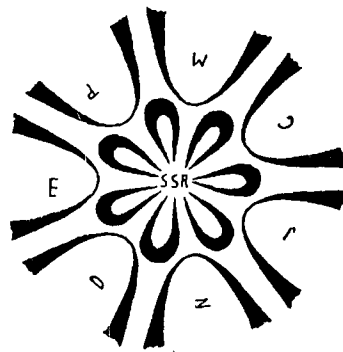
(Initiation)

Ein Rosenkreuzermysterium

durch

RUDOLF STEINER.

Vierles Tausend.

PHILOSOPHISCH-ANTHROPOSOPHISCHER VERLAG
BERLIN W 1917.
MOTZSTRASSE 17

P. Штейнер. У врат посвящения. Обложка

Которой нет у нас обоих, — в нем.
Знай: что без знака Бенедикта,
Мне разрешающего смысл
Всей жизни собственной, —
Жить не могу и я.
Над всею жизнью мудрость непрерывно¹⁰ свой
Развертывает морок,
Когда ее поверхностно охватит наша мысль.
Она ко мне повертывалась так;
И повторяла мне:
«Мария, — знай, как часто ложь плетет
Тебе из вставших марев правду
И как опасные плоды
Порой родит порыв — будить в другом
Тебя живящий свет».
Я лучшей стороной души осознавала,
Что тот гнетущий груз,
Который, друг,
Так жизненно тебя связал со мной,
Есть часть тернистого пути,
Нас приближающего к правде.
Переживать за страхом страх,
Встающий из пустых обманов,
Пока не вскрыется высокий образ правды, —
Твоя звезда.
Открылось мне из этих звездных слов,

*Что наш удел — идти вдвоем дорогой горней.
Когда же я иду тот путь,
То простирается — мрачнеет ночь пред взором¹¹.
И — больше почернеет ночь: ее сведет ко мне
Гнет испытаний —
Плод, рожденный мною...
Разыскивать должны мы оба в свете ясность,
Пусть взор ее не видит;
Но ей нельзя погаснуть.*

Иоганн:

*Ты поняла теперь все то,
Что душу мне разорвало, Мария?
Тяжелый жребий выпал
Воистину тебе.*

*Всем существом чужда ты грозной мощи,
Которой я раздавлен.*

*Ты можешь встать на светлых высях правды,
Ты можешь бросить взгляд
В водоворот людской, —
Сама собой останешься
И в тьме и в свете ты.*

*И — каждый миг меня похитить может...
Я утопал в людских сердцах, которые себя*

*Передо мной в словах разоблачали,
То погружаясь в тишь монастыря,*

То погружаясь в сказки

Фелиции.¹²

Я — каждым был.

Лишь для себя я умер.

Я должен верить был в пустое

Первоначало мира,

С надеждой ждать, что мне ничто

Во мне самом раскроет

Образ человека.

Из мрака в страх, из страха слово

В сумрак снова гонит; в слове —

Сути мира мудрость:

«О человек, познай себя!»

(Из ручьев и из скал раздается: «О человек, познай себя!»)

(Занавес.) >

Перевод Б.Н.Бугаева (А. Белого)

Примечания

Предлагаемый перевод фрагмента драмы-мистерии включен в машинописный экземпляр перевода всей пьесы, хранящийся в Московской антропософской библиотеке им. М.В. Ломоносова. Машинопись объемом в 154 страницы не имеет титульного листа; на первой ее странице в качестве заглавия вписано по-немецки чернилами название первого издания мистерии (Берлин, 1910). Перед началом текста второй картины напечатано: «Вторая картина (в переводе Б.Н.Бугаева)». Имя переводчика других картин или всей пьесы в целом не указано. Аналогичная этой машинописи рукопись перевода драмы, выполненная или скопированная неизвестным лицом, хранится в Музее А.А.Блока в Шахматове. На ее титульном листе значится: «Врата посвящения — Розенкрейцерская мистерия — Через Рудольфа Штейнера — Перевод Элліса со второго (Берлин, 1911-С.К.) немецкого издания». В шахматовском экземпляре также отмечено, что пе-

ревод второй картины сделан Б.Н.Бугаевым. Эти сведения любезно предоставлены С.М.Мисочник.

О том, что данный перевод принадлежит перу Андрея Белого, свидетельствует тот факт, что сам писатель неоднократно цитирует его в своих «Кризисах», не указывая при этом, что он был сделан кем-то другим.

В настоящей публикации воспроизводится текст машинописи. Исправлены очевидные опечатки. Где возможно, пунктуация дается по последнему изданию «Кризисов» (Белый А. На перевале. Берлин; Пб.; М., 1923); в отдельных случаях — приведена в соответствие со смыслом немецкого текста. Фигурирующее в машинописи (сделанного, по-видимому, Эллісом перевода) написание имени главного героя «Иоганнес Томазиус» (выдержанное также и во второй картине) заменено на «Иоганн Томазий», поскольку так называет этого героя пьесы А.Белый (Воспоминания о Штейнере. Париж, 1982.С.93). В качестве перевода заглавия также взят вариант А.Белого «У врат посвящения» (На перевале. С.45, 72 и др.). Другие исправления оговорены ниже. В угловые скобки взяты отсутствующие в машинописи и переведенные из немецкого издания сценические ремарки автора.

¹ «У врат посвящения» — первая из 4 драм-мистерий, написанных Р.Штейнером. Премьера пьесы состоялась 15 августа 1910 г. в мюнхенском драматическом театре. Все постановки мистерии предназначались тогда только для членов Теософского общества. Согласно Р.Штейнеру, драма переносит в обстановку земных условий конца XIX — начала XX века чисто духовные, сверхземные свершения и события, имевшие место в конце XVIII века и переданные эзотерическим языком мифа в сказке Гете о зеленой змее и прекрасной Лилии, и в этом смысле является метаморфозой гетевской сказки.

Буквальный перевод немецкого названия пьесы мог быть следующим: «Врата посвящения, или Инициация. Мистерия розенкрейцеров, сообщенная Рудольфом Штейнером». Таким образом, уже из ее заглавия можно увидеть, что не следует просто отождествлять или путать розенкрейцерское течение и возглавляемое Р.Штейнером духовнонаучное движение. О смысле понятия «розенкрейцерство» в антропософии см.: Штейнер Р. Мистерия и миссия Христиана Розенкрейца. СПб., 1992. На титульном листе первой мистерии была изображена цветная графическая фигура (духовная печать), выполненная по эскизу Р.Штейнера. Десять вписанных в печать литер означают начальные буквы трехчастного девиза истинных розенкрейцеров: Ex deo nascimur. — In Christo morimur. — Per spiritum sanctum reviviscimus. — Из Бога рождены... Во Христе умираем... Возрождаемся Духом Святым.

Второй картине в пьесе предшествуют пролог и первая картина, представляющая разговоры слушателей, выходящих из залы собрания после лекции Бенедикта. В дальнейшем драма изображает пути внутреннего развития людей, судьбы которых связаны уже на протяжении нескольких земных жизней.

² Иоганн Томазий — художник, духовный ученик Бенедикта, наряду с Марией, центральный персонаж всех 4 мистерий. В набросках драмы именовался — человек, т.е. юноша-царевич из сказки Гете.

³ В машинописи — «верило».

⁴ Покинутая мной — девушка, долгое время неизменно любившая Иоганна и теперь умершая.

⁵ В «Кризисах» — «гад». См.: Белый А. На перевале. Берлин; Пб.; М., 1923. С.87.

⁶ В «Кризисах» — «Познанием позор порочный мой». См.: Там же. С.94.

⁷ Мария — ученица и сподвижница Бенедикта, с Иоганном Томазием ее связывает уже десятилетний дружеский союз. В набросках драмы Мария носила имя Лилии из сказки Гете.

⁸ В «Кризисах» — «Сковал с тобой позор порочный». Там же.

⁹ Бенедикт — группа последователей видит в нем знатока духовных тайн. В набросках драмы он именуется «иерофант», во второй мистерии назван иерофантом солнечного храма.

¹⁰ В машинописи — «непрерывный».

¹¹ В машинописи — «перед взором».

¹² Фелиция — жена Феликса Бальде, мистика природы, живущего с Фелицией вдаль от людей в горах. В набросках драмы — жена старика с лампой из сказки Гете.

«...В «Весах» сентября»

*Когда, душа, просилась ты
Погибнуть или любить.*

А.Дельвиг

С драмами-мистериями Р.Штейнера Б.Н.Бугаев столкнулся почти сразу после своего и А.А.Тургеневой присоединения (в мае и окончательно — в июле 1912 года) к руководимому Штейнером духовному движению. С первых чисел августа, будучи в Мюнхене, они разбирают немецкий текст мистерии с Ганной Гюнтер, причем сначала, в отличие от Аси, А.Белый не питает к драмам Штейнера ни малейшего интереса¹. Однако это отношение меняется после того, как он видит их на сцене, хотя и в любительском исполнении: «... к нам ходила 2 недели теософка, приставленная доктором объяснять мистерии (здесь ведь неделю шли мистерии) <...> После каждой из мистерий, тянувшейся по восемь часов, мы сидели, точно оглушенные громом. Вагнеровское «Кольцо» — игрушка по простоте сравнительно с гигантской глубиной и красотой «Мистерий» доктора», — сообщает Андрей Белый матери 14/27 августа 1912 года². Речь здесь идет о трех драмах: «У врат посвящения», «Испытание души» и «Страж порога», представление которых состоялось соответственно 20, 22 и 24 августа, а с 25 по 31 того же месяца Бугаев и Тургенева слушают связанный с мистериями цикл штейнеровских лекций «О посвящении — вечности и мгновении — духовном свете и жизненной тьме».

Подробнее об обстоятельствах работы над текстом драм Белый рассказывает в своих «Воспоминаниях о Штейнере»: «...надвигалась постановка «МИСТЕРИЙ»; язык «МИСТЕРИЙ» — трудный. Доктор высказался в том смысле, что МНЕ НЕОБХОДИМО ЗАРАНЕЕ ОЗНАКОМИТЬСЯ С МИСТЕРИЯМИ (ведь одна из им мне данных, первых медитаций, — видоизмененный текст одной из «МИСТЕРИЙ»); МНЕ НАДО ИХ ПЕРЕВЕСТИ. В результате высказанного им кому-то пожелания у нас появилась ф<рейлен> Ганна, хорошо знающая русский; каждый день она диктовала текст нескольких сцен, а я спешно его записывал, чтобы имея подстрочник (свой), по нему до мистерий проходить текст их <...> именно в знаках «МИСТЕРИЙ», в увиденном на представлении, я видел ту ОСНОВУ ДАЛЬНЕЙШЕГО, исходя из которой уже мог самостоятельно копошиться»³.

Через год, снова в августе, Белый и Ася приезжают в Мюнхен на представление третьей и четвертой мистерий — «Страж порога» и «Пробуждение душ» (19, 20, 22 и 23 августа 1913 г.) — и на примыкающий к драмам цикл «Тайны порога».

Записавшись на христианский курс лекций о пятом Евангелии (1-6 октября 1913 г.), Бугаев и Тургенева на оставшейся до начала лекций «промежутке» отправляются (12 сентября) на север «провести осень где-нибудь на норвежском фьорде». Оглядываясь позже на панораму прожитых лет, А.Белый характеризует⁴ исключительное значение этого момента («В «Весах» сентября») в развитии антропософии⁵ и в

собственной духовной судьбе. Он говорит о «кресте жизни», стоящем для него между грозными мюнхенскими лекциями о страже порога⁶ духовного мира и ведущим в будущее опытом Христианин. В письме Р.В.Иванову-Разумнику от 2 марта 1927 года этот опыт раскрывается им следующим образом: «1913 год курсами и событиями переживаний в Христианин, в Лейпциге, в Бергене, в Копенгагене был мне вторым, реалистическим подходом к теме Христос; в моей душе как бы было второе пришествие Христа»⁷.

Именно в эти сентябрьские дни Белый и переводит фрагмент мистерии «У врат посвящения». «...Находим около Христианин (на фьорде) в Льяне виллу и усиленно отдаемся медитациям; за этот месяц делаю значительные успехи и космические узнания (о сфере старой луны, солнца, Сатурна) осеняют меня <...> попутно я перевожу отрывок из первой мистерии д-ра Штейнера», — рассказывается в «Материале к биографии»⁸. «Ракурс к дневнику» также сообщает, что работа над драмой произошла перед христианским курсом: «Льян — Бешеная медитативная работа; <...> Напряженнейшее приготовление отчетов Шт<ейнеру>; <...> перевожу сцену из 1-ой «мистерии» Шт<ейнера>»⁹.

22 сентября Б.Н.Бугаев из своего льянского уединения с Асей пишет обширное письмо Э.К.-Метнеру, где, в частности, делится с ним довольно сокровенными соображениями духовного характера: «Милый друг, когда Вы мне предложили написать о мистериях Доктора, я в душе отказался 1) по причине их трудности 2) глубокомысленности 3) спорности их значения для «Тр<удов> и дней» 4) нетактичности с моей стороны, как ученика Дра, разбирать то, что надо понимать *Wörtlich*¹⁰, а даже не символически; и в самом деле: пути Страдера¹¹, Капезиуса¹², Иоганна, проходящие через 4 мистерии, суть типично-конкретные пути; когда мы подходим к окк<ультиз>му, то мы вступаем на путь конкретно, реально, или склоняясь к линии Страдера т.е. стремясь соединить *geistige* <n> *Wesenheiten*¹³ с пульсом жизни, или как Капезиус (Ницше) через сказки Фелиции музыкально вживаемся в *миры* вопреки умственным устремлениям; или как Иоганнес Томазиус вживаемся воображением. И мне, действительно имеющему что-то общее с Иоганном Томазиусом и кое-что перенявшим из его <неразб.: — опыта — ?> как-то конфузно чернить критическим пером сообщение Мейстера. Вот почему я и морщился при мысли о написании статьи о мистериях. Конечно, писать по их поводу на оккультные темы граничит с *Scharlatanerei u Spi<-e>lerei*¹⁴, ибо слишком *все там реалистично*; например, сцена солнечного храма; если бы Вы знали, что *есть* солнечный храм и, главное, как он *есть* (что *есть* — само собой разумеется: все что *есть* в мистериях — *есть*), то Вы бы поняли невозможность существенных касаний пером многих пунктов мистерий. Но подумав, я увидел, что у меня *есть* право и, главное, интерес к другого рода касаниям; я могу коснуться архитектоники, стилистики мистерий; и думается мне, что я мог бы реально показать — по пунктам и цитатам, что они художественно прекрасны во многом. Вас это удивляет? Не верите? Позвольте же привести Вам несколько при-

меров из первой мистерии (которую между нами* — мне приходится заново перевести, ибо перевод Эллиса — ниже всякой критики)¹⁵. Как видно, внешним поводом, заставившим А.Белого переводить драму, послужило чье-то желание (возможно, его собственное), чтобы он отредактировал эллисовский перевод¹⁶, судя по примечанию в письме, — с согласия переводчика. Не исключено, что имелось в виду опубликовать мистерию Штейнера в московском антропософском издательстве «Духовное знание»¹⁷. Несколько далее А.Белый дает разбор инструментовки гласных и согласных звуков и ритмико-мелодического строения ряда отрывков немецкого текста драмы. После чего, сделав следующую оговорку: «А вот бледная попытка перевести этот монолог Иоганна, не передающая и одной десятой подлинника» — сообщает Метнеру медитацию Томазия из второй картины (87 стихов).

Работа Б.Н.Бугаева над переводом мистерии, по видимому, ограничилась данной картиной. Почему именно она привлекает поэта? Потому ли, что в ней затронута интересовавшая его тема — встреча со стражем порога (видение змия — «Мне дикий гад мерещится...»)? А может быть, потому, что содержание сцены в чем-то перекликалось с его собственной медитативной работой? Или же по более глубоким причинам, о которых можно только гадать? Как бы то ни было, Белый глубоко интимно сроднился с переведенным им отрывком, это явствует из его письма Метнеру, написанного после обострения отношений с ним (вызванного инцидентом с Эллисом). «Многоуважаемый Эмилий Карлович! — писал Андрей Белый 14 ноября 1913 года из Берлина, — по соображениям очень трудно объяснимым и Вам непонятым, я очень прошу Вас исполнить одну мою просьбу. Тотчас же по получении этого письма или вернуть мне последнее мое письмо Вам, написанное из Христиании (с разбором ритма стих<отворных> отрывков доктора Штейнера), или немедленно уничтожить его.

Верьте, что эта просьба моя не имеет никакого отношения к полемике и прочее. Она для меня внутренне важна»¹⁸.

В мае 1914 года в Дорнахе Белый выносит этот свой труд на суд Марии Яковлевны Сиверс, глубоко чувствовавшей русский язык и игравшей в нескольких постановках роль Марии: «... я читал М.Я. отрывок из перевода «Мистерии» доктора; и новые, мной написанные стихотворения; она мне сказала: «В ваших стихах — отражение антропософии». Я был этим очень польщен».

Несколько лет спустя писатель вплетает отдельные отрывки перевода¹⁹ второй картины мистерии Штейнера в свои философские трактаты, посвященные рассмотрению генезиса мысли Запада и современной ситуации, когда человечество в целом переступает «порог духовного мира» (Белый А. На перевале. II. Кризис мысли. Пб., 1918). Эти небольшие загадочные сочинения подобно афористическим зарницам предвещают грядущий титанический труд Белого «Историю становления самосознающей души» — последний из воздвигнутых им горных кражей «Эпопей «Я», высшего «Я».

Специальный интерес представляет участие Б.Н.Бугаева в семинаре Московского антропософского

общества по изучению драм-мистерий (1918-1919). В перечне своих занятий он отмечает: «Кружок мистерий». Работа над первой мистерией²⁰ Штейнера, *Уврат Посвящения*, в связи с семинарием по антропософскому материалу, очень много давшая; отмечаю потому, что приходилось *готовиться* к собраниям кружка; участники: М.В.Сабашникова, К.Н.Василева, М.П.Столяров, и я».²¹

Вероятно, для этой работы был взят имевшийся русский текст пьесы и дополнен фрагментом, переведенным А.Белым. Такое предположение, возможно, объясняет, как возникли указанные выше странные «составные» экземпляры мистерии: перевод Эллиса со «встроенной» в него второй картиной в переводе Б.Н.Бугаева.

Все это будет гораздо позже, а в те льянские недели, отмеченные для Белого неповторимой полнотой счастья, умиротворения и душевной просветленности²², он исследует «дорожденное» бытие души и переводит мистериальную драму о художнике Иоганне Томазии... «Как блещет фьорд между лекциями? Как блещут звезды после лекций?»²³.

Примечания

¹ Turgenieff Assja. Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum. Stuttgart, 1972. S.26. Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 211.

² Новое литературное обозрение. М., 1994. № 9. С.124.

³ Белый А. Воспоминания о Штейнере. Париж, 1982. С.143-144.

⁴ Там же. С. 310-312.

⁵ Закладка Гетеанума в Дорнахе; открытие Русского антропософского общества в Москве.

⁶ О страже порога см. главу того же названия в кн.: Р.Штейнер. Как достигнуть познания высших миров. Ереван, 1992.

⁷ Cahiers du Monde Russe et soviétique. Vol. XV. 1974. № 12. P.74.

⁸ Белый А. Материал к биографии (интимный) // Минувшее. М., 1992. № 6. С.35.

⁹ Белый А. Ракурс к дневнику//РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед. хр.100. Л. 64.

¹⁰ Буквально (нем.).

¹¹ Ученый-естественник.

¹² Профессор-гуманитарий.

¹³ Духовные сущности (нем.).

¹⁴ Мошеничеством и баловством (нем.).

¹⁵ РО РГБ. Ф.167. К.3. Ед.хр.16. Указанием на это и следующие письма Б.Н.Бугаева я обязан М.Л.Спивак.

¹⁶ В работе над которым принимала участие М.Я.Сиверс. См.: Новиков Л.А. М.К. Баранович: Биографический очерк/Штейнер Р. Эфиризация крови. Вступление эфирного Христа в земное развитие. М., 1994. С. 30.

¹⁷ Еще в 1912 г. Эллис собирался издавать свой перевод в «Мусагете». См.: Виллик Х. Эллис и Штейнер// Новое литературное обозрение. М., 1994. № 9. С. 186.

¹⁸ РО РГБ. Ф. 167. К.2. Ед. хр.21.

¹⁹ Более отточенного по сравнению с вариантом, известным из письма Э.Метнеру от 22.IX.1913.

²⁰ Ср. письмо Р.В.Иванову-Разумнику от 3.III.1927 // Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. XV.1974. N 1-2.P.82.

²¹ Белый А. Из «Себе на память» // Минувшее: Исторический альманах. М., 1992. № 9. С. 478.

²² См. льянские главы «Записок чудака» и гл. 41-43 в кн.: Белый А. На перевале. III. Кризис культуры. Пб., 1920.

²³ Белый А. Воспоминания о Штейнере. С. 333.

* Между нами, ибо мой перевод заново называется редактиванием. (Прим. Б.Н. Бугаева).